

:

,

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	92
page range	16-24
year	2010-05-25
URL	http://doi.org/10.15021/00001022

2. О тувинцах, их образе жизни и правах

Английская экспедиция успела еще застать Туву в составе Цинской династии Китая. Каррутерс отмечает, что несмотря на отдаленность и труднодоступность Тувы, за этой территорией был установлен жесткий контроль; местное население ежегодно платило дань китайскому (маньчжурскому) императору; однако в отличие от других вассальных народов, тувинцы были освобождены от несения воинской повинности (Каррутерс 1914:215). Поскольку Тува была географической окраиной Цинской династии, маньчжуры фактически превратили ее земли в замкнутую и изолированную колониальную провинцию Китая, выполняющую функцию сырьевого придатка и источника дешевой рабочей силы. Таким образом, они заставили местное население «искренне подчиниться», взамен предоставив им возможность по-прежнему оставаться жить спокойно в родных местах (Гуревич 1983:118).

Органом цинского аппарата, осуществлявшим административный контроль, являлся Лифаньюань — специальное учреждение, созданное еще в ранний период существования маньчжурского государства; в 1638 г. оно было преобразовано в особое ведомство (министерство) — Палату внешних сношений. Этим ведомством были разработаны законы, свод которых известен под название «Уложение Китайской Палаты внешних сношений» (Ермаченко 1974:160; Скрынникова 1988:42). Одним из органов Палаты было улясутайское управление цзянь-цзюня (генерал-губернатора), наместника богдыхана на захваченных маньчжурами землях. Эта должность официально возникла в 1733 г.

На тувинцев было распространено новое административно-территориальное устройство, в результате чего вся территория Тувы была поделена на военно-феодальные уделы — *кожууны* (монг. *хошуны*). Каждый кожуун состоял из *сумонов* и *арбанов* (сумон состоял примерно из 150 чел., арбан — из 10; два и более сумона составляли кожуун). По территории и количеству сумонов кожууны были неравны; в их основе лежала родоплеменная структура (Монгуш 2001:38).

Для облегчения управления тувинским населением в 1762 г. было учреждено объединенное управление кожуунами Тувы во главе с амбын-нояном — владельцем Оюннарского кожууна. Амбын-ноян выступал в качестве всеобщего старосты тувинских кожуунов и находился в прямом подчинении у улясутайского цзянь-цзюня. Ставка его находилась в Самагалтае (современный административный центр Тес-Хемского кожууна), недалеко от Улясутая.

В целом Каррутерс дает довольно суровую картину тувинской действительности: здесь богатый угнетает бедного, сильный обижает

слабого; ламы сохраняют за собой «выдающееся положение и оказывают большое влияние на все дела племени, ... они способствуют обнищанию и без того уже обложенных налогами сверх меры пастухов»; местные власти считают своим долгом не забывать и себя, «в виду чего масса населения прозябает в полной кабале у вождей, вынужденная непрестанно платить вымогаемую у них подать»; налоги платятся по-разному, степные жители приносят кобыл, овец и коз, оленеводы – меха, перья, орлиные хвосты и пух водяных птиц, а жители озерных пространств «платят лебедями, утками, гусями и гагарами». Один человек, например, может принести либо одного соболя, либо 40 белок; шкура лисицы стоит столько же, сколько 20 белок; а шкура снежного леопарда считается равноценным 20-ти белкам и одному волку (Каррутерс 1914: 218-219).

О самом народе автор пишет обобщенно: мужчины и женщины отрачивают длинные волосы, причем женщины носят их заплетенными в две или три косы, а мужчины убирают их в виде свиного хвоста на затылке и сбрасывают на передней части головы. Те и другие «отличаются поразительной безволосостью»; мужчины изредка отрачивают небольшие усы, а еще реже опускают жиденькую бороду. Одеты они «в звериные шкуры, кроме жаркого летнего периода, когда облакаются в просторную одежду», в холодную погоду носят тяжелые кафтаны из овечьей или косульей шкуры. А обувь у них «довольно странная и очень похожа на обувь эскимосов», их длинные мягкие сапоги сделаны из хорошо обработанного меха, в основном из косули или мускусного оленя. А на голове носят меховые шапки конической формы. Износив одежду, тувинец либо отправляется на охоту, чтобы добыть меха для новой одежды, либо обменивает имеющиеся у него шкуры на новую одежду. Молоденькие девушки одеваются почти совершенно одинаково с мужчинами, но замужние женщины носят более длинного и просторного покроя одежды (фото 33). Повседневная пища местного населения «состоит из кобыльего молока или кумыса, молока коровьего, сыра и баранины, в зависимости от того, какие продукты дают им стада». «На примере урянхайцев мы знакомимся с одной из скотоводческих рас, - пишет Каррутерс, - которой никогда не приходилось ни сражаться, ни вторгаться куда-либо, не предпринимать странствований вне пределов своей территории». Кочевые свойства у них выражены весьма отчетливо: для них характерны сезонные передвижения, «в виду чего жилища их легко переносимы с места на место» (фото 4,5,6), а размеры кочевков зависят от размеров поголовья скота, а также от способов его содержания (Каррутерс: с.220, 226, 231-232).

Каррутерс в целом верно описал особенности образа жизни местного

населения. Места проживания тувинцев со всех сторон опоясаны горными хребтами, которые практически не пропускают на территорию Тувы насыщенные влагой воздушные течения извне. Для этой зоны характерны открытые пространства, где отсутствуют возможности для искусственного орошения, но зато имеются обильные разнотравьем пастбища. Климат здесь резко континентальный: долгая суровая зима с резкими ветрами чередуется коротким жарким летом с небольшим количеством выпадаемых осадков. В этих природно-климатических и ландшафтных условиях исторически сложился наиболее рациональный во всех отношениях хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников.

Традиционное скотоводство, которое позднее трансформировалось в промышленное животноводство, до сих пор является основной отраслью хозяйства и продолжает играть чрезвычайно важную экономическую роль в жизнедеятельности тувинского общества. Тувинцы по-прежнему остаются непревзойденными животноводами. Они имеют сезонные пастбища, роль которых в животноводстве незаменима — они являются главным условием содержания скота.

Из домашних животных основную хозяйственную роль играют лошади, так как кочевание немыслимо без этих животных, издавна приспособленных человеком для верховой езды и транспортировки груза. О тувинской лошади Каррутерс пишет следующее: «она представляет из себя небольшое, но довольно стройное коренастое и весьма выносливое животное»; «главная ее особенность – голова и плечи, а также круглая морда»; «недостатки своей наружности урянхайская лошадь искупает своей крайней нетребовательностью в смысле питания и она прекрасно приспособлена переносить продолжительные капризы непогоды»; «своеобразной иноходью она может целый день без усталости пронести своего всадника» (Каррутерс 1914:253).

Помимо лошадей тувинцы в большом количестве разводят крупный и мелкий рогатый скот. Особое предпочтение отдается разведению овец — животных, наиболее приспособленных к тебеневкам, т.е. зимним пастбищам, где скот находится на подножном корму. Содержание скота на подножном корму приводит к постепенному выбиванию пастбищ и к необходимости передвижения на новые места, поэтому исторически сложилось, что в традиционном хозяйственном укладе тувинцев приоритетная роль принадлежит таким видам домашних животных, которые способны к дальним переходам.

В незначительной степени развито верблюдо-, сарлыко- и оленеводство, эти направления их деятельности носят сугубо локальный характер и не имеют повсеместного распространения. Верблюдоводство в

основном отмечается у эрзинских тувинцев, в местах проживания которых имеются пустыни и полупустыни — наиболее подходящие условия для разведения этого вида животных. Сарльководство развито у тувинцев Монгун-Тайгинского кожууна, где в условиях высокогорья традиционно сложился именно этот тип хозяйствования. Оленеводством занимаются тувинцы Тоджи, где это занятие - ведущая отрасль хозяйства. Именно у них побывали члены английской экспедиции и о них Каррутерс пишет более обстоятельно и подробно.

Он делит тувинцев по внешнему виду на две группы: на обитателей таежной зоны и жителей долины Хемчика (фото 9). Различия между ними, как он утверждает, «колеблются в широких пределах от почти чисто монгольского до почти характерно европейского» типа (там же:228). На это же различие указывает Д.А.Клеменц. Тувинцы-олeneводы, по его мнению, «обладают признаками древнего рода: маленький рост, впалая грудь, плоские стопы, светло-каштановые волосы», однако стоит только спуститься в долину Хемчика, как «мы встречаем совершенно иной тип: темноволосые, большого роста, с очень выступающими скулами, круглым коротким черепом и длинным лицом». Первые занимаются оленеводством, вторые - скотоводством, в некоторых местах земледелием (Клеменц 2007, с.360).

Другой момент, на который обращает внимание Каррутерс, это привязанность тувинцев к своей земле, их нежелание вступать в активный контакт с внешним миром. Ютясь среди горных хребтов, в глубинах лесных чащ, тувинцы, по его мнению, всецело остаются вне каких-либо влияний из вне; единственное, чего им хочется по-настоящему, чтобы их не трогали и не нарушали их уединения. Из-за своей робкой натуры они неохотно посещают деревни и города. Они могут, конечно, ненадолго заглянуть в какой-нибудь торговый центр, чтобы обменять несколько мехов на табак или ружейный порох, но родные леса гораздо сильнее привлекают их, и они снова спешат обратно к себе домой. Китайские и русские торговцы снабжают тувинцев теми немногими предметами роскоши, которыми они позволяют себе пользоваться, вроде чая, нюхательного и курительного табака. Из этого Каррутерс делает вывод, что такая жизнь не может способствовать общему прогрессу тувинцев, более того, она ведет их к вымиранию, так как возможность обновлять себя приливом свежей крови у них также полностью отсутствует (Каррутерс 1914:225-228).

Однажды англичанам пришлось обратиться за помощью к местным властям Хемчикского кожууна. Им нужен был пропуск для дальнейшего путешествия. «Обменявшись по китайскому обычаю карточками, мы

посетили белую войлочную юрту, которая служила как домом правосудия, так и официальной резиденцией, - пишет Каррутерс. - Возле входа подвешены были орудия пытки в качестве служебного знака и в виде предостережения злоумышленникам. Между последними, как мы заметили, были: тяжелые кожаные ушные ударники, раздробители пальцев и различного сорта плети (хлысты). Внутренность юрты отличалась поразительной чистотой и была украшена голубой материей и красным войлоком, а по бокам стояли диваны и комоды китайского изделия». «Представитель нойона и его свита были одеты в свою официальную форму с китайскими шапочками на головах, служивших эмблемами их должностного ранга (фото 7). Они поразились, как нам показалось, нашему сообщению о том, что мы прибыли из Сибири и, тем не менее, отказываемся от чести быть русскими; равным образом, они никак не могли понять, почему у нас не имеется никаких иных бумаг, кроме наших внушительного вида китайских паспортов из Пекина. Наша беседа велась при помощи перевода с английского сперва на русский язык, а затем уже с русского на китайский и с китайского на урянхайский, причем посредником нам служил местный китайский торговец, который был также переводчиком наших паспортов». Так, англичане впервые имели опыт общения с тувинскими чиновниками. Пропуск им был выдан, но, как признается сам Каррутерс, «было ясно, что милость эта оказывалась нам неохотно и с нами обращались вообще не с таким уважением, как обращались бы с любым русским» (Каррутерс 1914:197-199). Следует заметить, что ни об одном человеке из местной среды, с которым общались члены английской экспедиции, за исключением русского купца Сафьянова, не сказано ни одного доброго слова. Отзываться обо всех уничижительно и пренебрежительно, видимо, являлась особенностью Каррутерса как человека.

Он весьма нелестно характеризует и самих тувинцев. В частности, он пишет, что тувинец по своей природе ленив и незапаслив; он беспечно сидит до тех пор, «пока у него имеется достаточный запас для удовлетворения своих потребностей»; он «не пошевелится ранее, чем нужда не принудит его снова взяться за работу, охоту или продажу своего запаса»; он лишен честолюбия, а потому живет в бедности и нищете; он - «дитя леса и не обнаруживает желаний улучшить сколько-нибудь свое положение». В дополнение к этому, тувинцы имеют крайне «смутное представление о правде», поэтому Каррутерс постоянно сомневался в том, что те говорят ему. В целом тувинцы произвели на него впечатление не очень веселого народа; он отмечает, что «выражение некоторой грусти и меланхолии всегда запечатлено на их лицах» (Каррутерс 1914: 166, 182,

226). В то же время другие исследователи не разделяют этого мнения. Например, Д.А.Клеменц видел в тувинцах веселый характер, энергичность, насмешливость, легкий нрав и даже плутовство (Клеменц 2007:361-362). По мнению А.В.Адрианова, «народ этот весьма подвижный, бойкий, необыкновенно легкий и быстрый в работе», а также все опасности жизни, мучения, жестокие пытки, голод и холод переносящий с замечательной стойкостью и терпением (Адрианов 2007:101). Г.Е.Грумм-Гржимайло считал, что тувинцы обладают большой долей жизнерадостности и в своей частной жизни проявляют немало энергии и инициативы (Грумм-Гржимайло 2007:583).

Однако время показало, что пессимистические прогнозы Каррутерса о том, что тувинцам грозит вымирание, к счастью, не оправдались. Зато позитивный потенциал, который видели в них российские исследователи, раскрылся со всей полнотой. Судьба народа в целом сложилась благополучно. Войдя в состав СССР в 1944 году, Тува многое приобрела в развитии социально-экономической сферы. «После вхождения в состав Союза ССР во вновь образованной автономной области начался резкий подъем народного хозяйства, - пишет об этом периоде тувинская исследовательница З.В.Анайбан. - За относительно короткий срок (менее двух десятков лет) Тува по основным среднедушевым и валовым показателям вплотную приблизилась к другим советским автономиям, в том числе и автономным республикам» (Анайбан 1996:28). Объективным отражением дальнейшего прогресса стало преобразование в 1961 г. Тувинской автономной области в Тувинскую автономную республику, что существенно расширило права республики в решении внутренних вопросов, а также укрепило ее представительство в союзных и российских законодательных органах.

В 1990 г., незадолго до распада Союза ССР, Тува в числе первых среди автономных республик Российской Федерации приняла Декларацию о государственном суверенитете. Одним из ключевых моментов этого документа стало объявление о смене существовавшего государственно-правового статуса и переход к статусу суверенного государства - субъекта Союза ССР и РСФСР. Конституция Тувы, принятая в 1993 г., окончательно закрепила декларированное положение и в настоящее время Тува «суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации». Однако при этом перспектива изменений в государственно-правовом статусе республики не закрыта, т.к. Конституция РТ в принципе допускает изменение конституционно-правового статуса республики, для чего потребуется соответствующее волеизъявление двух третей граждан республики, обладающих избирательным правом (Анайбан 1996:28-29).

Таким образом, приняв Декларацию о суверенитете и создав Республику Тыва со своим гимном, гербом и флагом, тувинцы лишь укрепили свои позиции в качестве народа, имеющего свою государственность.

Государственные символы современной Тувы выглядят следующим образом. На голубом фоне герба изображен желтый всадник в национальной одежде, скачущий на коне навстречу лучам восходящего солнца; в основании герба, на традиционной ленте – кадаке – надпись *Тыва*; в пятилепестковом обрамлении герба чередуются полосы желтого, белого и красного цвета. Для сравнения заметим, на гербе советского периода всадник мчался не на восток, а на запад, что объяснялось причинами идеологического характера: на востоке расположена империалистическая Япония, с которой Тува не могла иметь ничего общего, потому взор всадника направлен на запад, в сторону великой России.

Флаг Тувы выполнен в виде голубого прямоугольного полотнища. Со стороны древка из верхнего и нижнего углов идут белые полосы с голубыми линиями посередине, которые соединяются в одну. Образовавшийся в левом углу флага треугольник – желтого цвета; сверху и снизу – горизонтальные белые полосы. На флаге символично изображено слияние рек Бий-Хема и Каа-Хема, дающих начало Енисею – Улуг-Хему (Москаленко 2004:199). Цветовая символика несет следующую смысловую нагрузку. Желтый цвет – одновременно символизирует солнце и «желтую веру», т.е. буддизм; голубой – небо; белый – чистоту.

Однако тувинцы при этом, как и сто лет назад, продолжают сохранять свою индивидуальность. Они, в частности, приписывают себе несколько отличительных особенностей, которые, как им кажется, заметно выделяют их из числа других народов, живущих в данном регионе. Первое – они самыми последними вошли в состав Российской Федерации, чем отличаются от всех остальных. Другой, не менее распространенный повод для гордости, – это то, что до присоединения к «русскому поезду» тувинцы имели свое самостоятельное государство – Тувинскую Народную Республику. Многие ли могут сравниться с тувинцами в этом? Второе – они сохранили свои исконно тувинские фамилии; не стали следовать примеру других народов, тех же близких им по религии бурят и калмыков, которые придали своим фамилиям русские окончания – Доржиев (тув. Доржу), Дашиев (тув. Дажы), Гомбоев (тув. Комбу), Эрдынеев (тув. Эртине), Очиров (тув. Очур), Жаргалов (тув. Чыргал), Намсараев (тув. Намзырай) и т.д. Третье – тувинцы всегда оставались обособленными, отделенными от остального мира. Тува и сегодня остается отдаленным уголком, добраться до которого не только не просто, но и дорого. Лететь

из Москвы в Париж или Лондон оказывается значительно дешевле, чем в Кызыл. Такая удаленность Тувы от Центра и ее труднодоступность заставляет тувинцев использовать своеобразную «формулу барьера» - «за Саянами». Они ездят «за Саяны», чтобы получить образование, купить там что-то новое, увидеть других, отличных от себя людей. И соответственно возвращаются домой «из-за Саян» (см. «Центр Азии» от 13-19 августа 2004).

План проложить железную дорогу в Туве, который уже начал осуществляться на федеральном и местном уровнях, не очень привлекает тувинцев, привыкших веками чувствовать себя изолированными от остального мира и, следовательно, защищенными от влияния иноокружения. Однако, как показывают исследования, у этой медали есть и обратная сторона.

Географическая обособленность Тувы, ее оторванность от большого мира, толкает некоторых тувинцев, особенно молодых и энергичных, к тому, чтобы покинуть пределы этого замкнутого пространства. Они выезжают из республики не только с целью получить образование, но и попытаться найти себя в другом, отличном от тувинского, мире. Многие из них приехав в Москву, остаются здесь навсегда. Они предпочитают быть «никем в столице, чем кем-то в Туве». Их главная цель – получить образование, стать самостоятельными, устроиться на хорошо оплачиваемую работу, решить жилищную проблему. Достигать желаемых результатов им помогают, с одной стороны, личные качества, такие, как настойчивость, упорство, работоспособность, которые в этнической среде хотя и почитаются, но не встречаются часто, а с другой - свободное владение русским языком.

Интересно отметить, что для тувинцев, живущих за пределами республики, характерен высокий уровень притязаний. Как правило, это люди, получившие образование в центральных вузах страны, имевшие опыт общения с иностранцами и выезжавшие хотя бы 2-3 раза за рубеж. Они сравнивают уровень жизни в Туве с более развитыми регионами, а также с регионами иных этнических культур, и приходят к неутешительному выводу: жить и работать в Туве им неинтересно, приобретенный вдали от родины опыт будет сильно выделять их из общей массы. Перспектива быть «чужим среди своих» для них малопривлекательна, гораздо предпочтительнее стать «своим среди чужих». Если по переписи 2002 года, в Российской Федерации всего насчитывалось 243.442 тувинца, из них на территории Тувы проживало 235.313 человек, а свыше 8 тысяч жили за пределами республики (Тюркские народы 2008:186). Поэтому утверждение Каррутерса, что тувинцы боятся общения с внешним миром,

по отношению к современному поколению уже звучит некорректно. Более того, в будущем, когда строительство железной дороги в Туву будет завершено, следует ожидать значительного усиления миграционных процессов в регионе и активизации контактов тувинцев с внешним миром. Изоляции Тувы таким образом будет положен конец.

3. У оленеводов Тоджи

15 июня 1910 года экспедиция направилась в Тоджинский кожуун. Англичан здесь в первую очередь интересовали «туземцы-олeneводы», которые «составляют очень незначительную часть всего урянхайского племени» и «меньше всего подверглись всяким внешним влияниям и более других своих сородичей сохранили своеобразие и чистоту типа, языка, религии и образа жизни» (Каррутерс 1914:125, 132).

Тоджа – единственный район в Туве, где географические и природно-климатические условия максимально приспособлены для ведения оленеводства (фото 19). Он же и самый большой из 17 кожуунов республики. Общая территория его составляет 44,8 тыс. кв. км, то есть 26,2% от всей площади республики; плотность населения - 1 человек на 10 кв. км. Район со всех сторон окружен высокими горными хребтами. Равнинная часть земли местами болотистая, 62% территории покрыта густым лесом, что составляет 41% лесного фонда республики. Температура летом здесь колеблется от +17 до +35; а зимой от -18 до -50 градусов по Цельсию. Влажность при этом низкая.

Англичанам, до этого уже имевшим представления о том, как разводят оленей в Северной Европе, непременно хотелось узнать, как это делают в Центральной Азии. «Наша встреча с урянхайцами (тоджинцами – М.М.) ознаменовалась весьма забавным происшествием, заслуживающим особо быть отмеченным, - пишет Каррутерс. - Чтобы иметь друга во время долгого путешествия, я еще в Сибири купил собаку, которая за ее способности хорошо охотиться на белок, носила русское имя Белка. Это была совершенно белая собака, из породы высоко ценимой в Сибири охотниками за мехами и широко используемой на почтовых трактах для запряжек в правительственные почтовые повозки. В продолжении нашего путешествия ей предоставлена была полная свобода проявлять свой охотничий инстинкт... Она ловила крыс и мышей на всем пути от Енисея до Китайского Туркестана... ». Однажды Белка почуяла запах какого-то зверя и начала охоту на него. Вдруг неожиданно перед ней оказался белый олень. «Результат получился ошеломляющий; олень начал улепетывать, а за ним помчалась и моя собака; верховой урянхаец, который вслед затем появился из лесной чащи, последовал за ними в